

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ РЫБИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109028, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3

E-mail: al.rybin1@mail.ru

SPIN-код: 4681-4146

DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-3-rybin

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. Предметом анализа в статье становится вопрос о возможности выполнения искусственным интеллектом функций судьи и замены судей в целом. Автор обращает внимание на аргументацию, которая обычно приводится в обоснование невозможности исполнения искусственным интеллектом судебных функций: прагматическим и парадигмальным. Прагматические пределы предполагают трудности с заменой судей юнитами искусственного интеллекта в силу социальных причин — возможной неготовности самой социальной системы, в частности, судейского сообщества к замене этого социального института машинами. Парадигмальные пределы предполагают технические трудности для внедрения искусственного интеллекта в судебную практику. Для анализа таких пределов автор обращается к концепциям аналитической философии, которые сходятся во мнении о существовании неопределенности в праве, встречаясь с которой, судьи преодолевают ее через обращение к представлениям о ценностях и вынесение моральных суждений. В настоящее время искусственный интеллект не может выносить моральные суждения, а способ передачи этой способности от человека к искусственному интеллекту также неясен, в связи с чем в анализируемой в статье литературе делается вывод о невозможности полной замены искусственным интеллектом судей. Однако автор также подчеркивает, что искусственный интеллект уже используется для разрешения некоторых категорий споров судами за рубежом. Автор также анализирует, при каких условиях и в какой логической форме искусственный интеллект оказывается наиболее эффективным для решения юридических задач и как можно интегрировать его в систему правосудия. Из трех способов вынесения искусственным интеллектом умозаключений в отношении юридических споров (дедуктивного, индуктивного

и абдуктивного) наиболее продуктивным оказываются абдуктивные умозаключения, выносимые искусственным интеллектом. Они позволяют выносить предположения о возможных исходах дела, определять иные правовые риски. Такая практика уже показала свою успешность в последние десятилетия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судья, электронное правосудие, цифровое право, робот-судья, абдуктивные умозаключения, прогнозирование судебных решений

ALEKSANDR I. RYBIN

National Research University Higher School of Economics
3, Bolshoy Trekhsvyatitsky Lane, Moscow, 109028, Russia
E-mail: al.rybin1@mail.ru
SPIN code: 4681-4146

OF THE USAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE COURT JUDGEMENTS

Abstract. The subject of the analysis in the article is the question of the possibility of artificial intelligence performing the functions of a judge and replacing judges in general. The author draws attention to the argumentation that is usually given to justify the impossibility of artificial intelligence performing judicial functions: pragmatic and paradigmatic. Pragmatic limits suggest difficulties in replacing judges with artificial intelligence units due to social reasons — the possible unavailability of the social system itself, in particular, the judicial community, to replace this social institution with machines. The paradigmatic limits suggest technical difficulties for the introduction of artificial intelligence into judicial practice. To analyze such limits, the author turns to the concepts of analytical philosophy, which agree on the existence of uncertainty in law, when faced with which judges overcome it by appealing to ideas about values and making moral judgments. Currently, artificial intelligence cannot make moral judgments, and the method of transferring this ability from humans to artificial intelligence is also unclear, which is why the literature analyzed in the article concludes that it is impossible to completely replace judges with artificial intelligence. However, the author also emphasizes that artificial intelligence is already being used to resolve certain categories of disputes by courts abroad. The author also analyzes under what conditions and in what logical form artificial intelligence turns out to be the most effective for solving legal problems, and how it can be integrated into the justice system. Of the three ways in which artificial intelligence makes conclusions about legal disputes (deductive, inductive, and deductive), the most productive is the deductive conclusions made by artificial intelligence. They allow you to make assumptions about possible outcomes of the case, to identify other legal risks. This practice has already shown its success in recent decades.

Keywords: artificial intelligence, judge, electronic justice, digital law, robot judge, deductive reasoning, forecasting of court decisions

1. Введение

В активно разворачивающихся дискуссиях, касающихся цифровизации права, центральное место зачастую занимает вопрос об искусственном интеллекте (далее также — ИИ). В этом контексте открывается несколько проблемных вопросов. Например, вопрос, касающийся правосубъектности ИИ. Это имеет значение, например, для вопросов ответственности таких юнитов ИИ в случае ДТП с автомобилями, управляемыми ИИ, или же совершения иных виновных действий, которые в случае совершения их человеком были бы однозначно квалифицированы как правонарушения. Неопределенный статус ИИ как объекта права (базы данных, программы или алгоритма), отвечающего некоторым критериям правосубъектности, оставляет этот вопрос открытым¹. Однако к этому не сводятся все юридические проблемы, связанные с ИИ.

Не менее популярна и иная постановка вопроса, которая рассматривает ИИ как средство, которое со временем заменит юристов и станет выполнять многие юридические функции, в частности функции правоприменения². Наиболее обсуждаемые и важные вопросы в этом контексте — это вопросы о возможности замены юнитами ИИ судьи в процедуре отправления правосудия³. Особый характер вопроса определяется тем, что исполнение функций судьи зачастую сводится к решению судьбы человека (например, лишения или ограничения свободы, а в отдельных юрисдикциях — жизни человека в уголовном судопроизводстве) либо имущественных вопросов, защиты прав человека и др., которые могут быть процессуально решены только посредством судопроизводства.

Полагаем, что с юридической точки зрения корректно было бы поставить вопрос шире: как возможность отправления не только судебной, но и иных ветвей *власти* (законодательной и исполнитель-

¹ См.: *Deibel T.* Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // *European Journal of Law and Technology*. 2021. Vol 12. No. 2. P. 4.

² См.: *Susskind R.E.* Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future. 2nd ed. Oxford, 2017.

³ См.: *Быков А.В., Нарская А.И.* Закон, мораль и машинное обучение: взгляд судей на сущность и перспективы роботизации правосудия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 5. С. 278–298.

ной). Однако из трех ветвей власти основные дискуссии проводятся только в отношении внедрения ИИ в осуществление судебной власти. Этому есть несколько причин. Это связано с тем, что в отличие от реализации властных полномочий иными ветвями власти процедура судопроизводства имеет более высокий уровень алгоритмизации и законодательной регламентации, что присуще самой правовой природе судопроизводства. Об этом свидетельствуют примеры из истории и теории юриспруденции. Яркой иллюстрацией этого тезиса из истории юриспруденции является формулярный процесс в римском праве. Поскольку судьей мог быть всякий взрослый римский гражданин, который потенциально мог и не знать отдельных нюансов применения норм римского права, сначала сведущий в юриспруденции претор составлял формулу, по которой затем действовал гражданский судья⁴. В этой формуле ограничивались основание и предмет иска, а также давались рекомендации по возможным вариантам решения спора. Существующие части формулы напоминали некий силлогизм или логическую операцию импликации, где из обстоятельств дела и правовой нормы следует решение спора⁵. В дальнейшем в европейской правовой традиции закрепился подход, представляющий судопроизводство как силлогизм. В романо-германской правовой семье этот силлогизм был дедуктивным, а в англосаксонской — индуктивным. В романо-германской семье из большей посылки (правовой нормы) на основе меньшей посылки (фактических обстоятельств) следовал вывод (судебное решение). Принятие решения в англосаксонской системе по индуктивному силлогизму мы более подробно описываем ниже⁶.

Кроме того, постановка вопроса насчет судебной власти (а не законодательной или исполнительной) также связана с тем, что иные ветви власти не вписываются в механизм работы ИИ. Так, законодательная ветвь власти основывается на идее представительной демократии, что допускает использование ИИ только для обеспечения и ускорения работы данного процесса. И также отправление власти ИИ

⁴ Эта модель весьма сходна с тем порядком разрешения споров юнитами ИИ, который описывается в современной литературе: ИИ действует по алгоритму (в римском праве — формуле), который создается юристом и программистом (в римском праве — претором), и выносит решение на основе фактических данных спора между истцом и ответчиком.

⁵ См.: Римское частное право: Учебник для вузов / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2024. С. 69.

⁶ См.: Рыжков К. Цивилистический процесс: формы мышления в рамках вынесения судебных актов // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 363.

подспудно актуализирует вопрос концептуального уровня: может ли государство делегировать выполнение своих функций ИИ? Если может, то должно ли государство нести ответственность за ненадлежащее исполнение таким юнитом ИИ своих функций? Эта проблема актуализируется, например, при рассмотрении концепции ответственности ИИ в рамках частных правоотношений. Так, в случае причинения вреда соответствующим юнитом искусственного интеллекта ответственность может быть субсидиарно понесена либо собственником, либо разработчиком такого юнита ИИ (например, по модели источника повышенной опасности)⁷. Из данного примера неясно, кого именно привлекать к ответственности (разработчика или владельца юнита ИИ) и корректно ли вообще применять субсидиарную ответственность. Еще более остро этот вопрос ставится в ситуации ответственности за некорректные действия судьи-ИИ или депутата-ИИ. Так, если допустить, что в частных правоотношениях применяется субсидиарная ответственность, то на кого следует возложить ответственность, если причинение вреда допустил юнит искусственного интеллекта на государственной должности? Возможно, для данных случаев релевантно обратиться к ст. 1069 Гражданского кодекса РФ, регламентирующей возмещение вреда, причиненного должностными лицами государственных органов или органов местного самоуправления. Однако в случае допущения ошибки при вынесении судебного решения юнитом искусственного интеллекта актуализируется не просто вопрос возмещения вреда, но и вообще *легитимности* такой судебной власти. Судья-ИИ формально не связан присягой, не прошел квалификационный экзамен и не подлежит критике со стороны этического сообщества в рамках стандартных дисциплинарных процедур.

В любом случае вопрос о том, возможно ли выполнение ИИ функций судьи, является комплексным, а потому на него не может быть дан односложный ответ. Комплексность этого вопроса предопределяется сложностью судебской деятельности, применения к ней разного рода предписаний дисциплинарного, процессуального и материального характера, а также вариативностью толкования таких предписаний вкупе с различием основания принятия судьями того или иного решения. Кроме того, в силу интереса к влиянию ИИ на судебную власть этот вопрос зачастую рассматривается на междисциплинарном уровне, ко-

⁷ См.: *Лантнев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 2. С. 90.

торый включает как собственно юридические вопросы, так и вопросы социологические, этические, технические и вопросы из других сопряженных сфер. В связи с этим для осуществления анализа этого вопроса наиболее перспективными методологическими подходами в юриспруденции представляются подходы аналитической юриспруденции, социологии права и современных концепций юснатурализма (например, концепции Л. Фуллера).

2. Методологические подходы к исследованию ИИ в праве

Подход аналитической юриспруденции представляется базовым для выстраивания рассуждений в данной междисциплинарной системе, так как методология аналитической юриспруденции предполагает обращение к инструментарию логики, лингвистики и семиотики, рассматривающих юриспруденцию в контексте понятий, суждений, знаков, их семантики, синтактики и прагматики — словом, в том контексте, в котором обычно конструируется и функционирует ИИ. Социологическая юриспруденция является наиболее репрезентативным методом, который позволяет описать условия, в которых происходит внедрение ИИ (его элементов) в судебную систему: восприятие судьями и судебными служащими данных процессов, возможное воспрепятствование самими судьями их продвижению и иные социальные факторы, которые влияют на внедрение готового технологического решения в систему общественных взаимоотношений в рамках судопроизводства. И, наконец, современные концепции юснатурализма позволяют интерпретировать тот аспект внедрения ИИ, который не охватывается ни логическими, ни социологическими объяснительными моделями, но позволяет объяснить наиболее дискуссионную сферу, касающуюся внедрения ИИ в судопроизводство, — моральные основания и судебское усмотрение, которыми судьи руководствуются при принятии решений. Предполагается, что доступа к этим основаниям принятия решений у ИИ нет, из чего, по мнению ряда юристов и социологов, следует принципиальная невозможность исполнения ИИ функций судьи.

3. Использование искусственного интеллекта в отправлении правосудия

Следует согласиться с В.В. Момотовым, что, когда речь идет о внедрении ИИ в систему правосудия, существует два направления применения ИИ в судебной деятельности: во-первых, использование при

организации правосудия и, во-вторых, непосредственно при осуществлении правосудия⁸. Однако упоминаемый нами автор также отмечает в контексте внедрения ИИ такие автоматизированные системы, как ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», и другие сервисы, используемые для формирования электронного документооборота⁹.

Полагаем, что содержание и роль ИИ в данном случае понятна не вполне корректно. Для прояснения нашей критики обратимся к понятию ИИ, которое приведено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В пп. «а» п. 5 данного документа искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁰. В перечисленных системах, которые на данный момент обеспечивают функционирование правосудия, отсутствует основной признак ИИ — это имитация когнитивных функций человека. В редуцированном виде этот признак можно обозначить как возможность творческого (в широком смысле) решения поставленной задачи. Обычная база данных (решений) или система подачи документов в электронной форме в суд не имитирует интеллектуальные функции человека. Напротив, это функции, отличающиеся от человеческих, и оттого они могут создавать принципиально иную цифровую среду, которую человек своими силами не мог бы создать. Было бы корректно обозначить такие средства, как средства *автоматизации* правосудия. И хотя благодаря таким средствам достигается существенное ускорение и упрощение судопроизводства¹¹, их все же следует отличать от механизмов, действующих на основе ИИ.

В последние годы на практике в России был испробован механизм применения ИИ в отправлении правосудия. Так, в 2021 г. в несколь-

⁸ См.: *Момотов В.В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188.

⁹ См.: там же.

¹⁰ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹¹ См.: *Laptev V.A.* E-Justice in Russia // Law & Digital Technologies. 2022. Vol. 2. No. 1. P. 33.

ких мировых судах в Белгородской области был запущен пилотный проект Верховного Суда РФ по использованию ИИ в приказном производстве. Однако в данном проекте ИИ не выносит судебных приказов, а только готовит документы и проверяет реквизиты, чтобы сэкономить время судьи¹². Поэтому даже с учетом применения ИИ роль его участия в отправлении правосудия следует признать также в автоматизации судопроизводства.

За рубежом также появляются некоторые аналоги таких решений и в качестве средств, обеспечивающих правосудие и используемых при осуществлении самого правосудия. Но если вышеперечисленные отечественные системы автоматизации правосудия в основном выполняют задачу снятия нагрузки с судей и сотрудников судов, ускорения их работы, то ИИ за рубежом используется, скорее, для избавления от нагрузки в ряде случаев, где спор может быть разрешен с помощью ИИ. Такие системы в иностранной литературе обозначаются как ODR, под которым понимается буквально система «разрешения споров онлайн» (online dispute resolution)¹³.

Подобные механизмы используются не только для разрешения споров в качестве альтернативы судебному или административному порядку, но и в качестве замены третейскому суду и медиации. Последнее открывает широкие возможности по использованию альтернативных форм разрешения споров в частной сфере. Такие системы разрешения споров обозначаются в иностранной литературе как ADR — alternative dispute resolution. К примеру, ADR широко используются зарубежными маркетплейсами, такими как eBay или Alibaba¹⁴. Применение ADR позволяет создать инфраструктуру для разрешения споров между покупателями и продавцами по аналогии с тем, как эти споры бы разрешались медиаторами или третейским судом¹⁵.

¹² См.: В России искусственный интеллект привлекли к вынесению судебных решений // Сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20210525/intellekt-1733789200.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹³ См.: *Katsh E., Rabinovich-Einy O.* Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. Oxford, 2017. P. 149–150.

¹⁴ Ibid. P. 23–24.

¹⁵ Необходимо упомянуть, что ведущие отечественные маркетплейсы (к примеру, Яндекс-маркет) активно перенимают опыт зарубежных коллег и уже вовсю используют системы онлайн-урегулирования (разрешения) споров на своих цифровых платформах См.: *Габов А.В.* Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 1. С. 208–235.

Следует отметить, что обращение к опыту функционирования систем альтернативного разрешения споров (ADR), использующихся для разрешения споров на отдельных коммерческих площадках, неслучайно. Дальнейшая интеграция ИИ в систему судопроизводства с учетом опыта ADR представляется более продуктивной потому, что принципы функционирования такого ИИ единообразны, где бы они ни применялись — в рамках государственной системы правосудия или для разрешения споров на коммерческих площадках. В любом случае с точки зрения логической составляющей действие такого ИИ структурно будет работать по принципу силлогизма: индуктивного или дедуктивного — в зависимости от традиции правовой системы, в которой он применяется.

Автоматизированные системы разрешения споров на основе ИИ берутся на вооружение также и отдельными государственными структурами за рубежом. Например, в 2002 г. Министерство юстиции Англии и Уэльса запустило онлайн-систему денежных требований (Money Claim Online). Действие этой системы сходно с приказным производством и распространяется на денежные требования на сумму до 100 000 фунтов стерлингов. Она позволяет заявителю вести это дело от направления заявления через систему до приведения этого решения в исполнение. Как утверждается, она справляется с более 60 000 исков в год, что превышает пропускную способность любого отдельно взятого окружного суда в Англии и Уэльсе¹⁶.

На территории Евросоюза в настоящий момент существует даже отдельная правовая база, касающаяся функционирования такой инстанции онлайн-разрешения потребительских споров (ODR). Наиболее известные из этих документов: Регламент № 524/2013 Европарламента и Евросовета от 21 мая 2013 г. об онлайн-разрешении потребительских споров, Директива 2009/22/ЕС (Директива об альтернативном разрешении споров для потребителей), Регламент Комиссии ЕС № 2015/1051 от 1 июля 2015 г. об условиях осуществления функций онлайн-платформы разрешения споров¹⁷.

Аналогичная система существует и в провинции Канады — Британской Колумбии. Там действует Трибунал по гражданским спорам (The British Columbia Civil Resolution Tribunal). К его подсуд-

¹⁶ См.: *Susskind R.E.* Op. cit. P. 117–118.

¹⁷ Regulation № 524/2013 — Online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) № 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/524/oj#> (дата обращения: 01.03.2024).

ности относится ряд гражданских споров по искам, оцениваемым до 25 тыс. канадских долларов¹⁸.

Представляется, что, поскольку существует множество примеров внедрения ИИ в систему разрешения юридических споров как в части государственной судебной системы, так и в части альтернативных способов разрешения конфликтов (медиации, третейских судов и др.), вопрос замены судьи юнитом ИИ кажется лишь вопросом времени. При этом основания, почему эксперты скептически относятся к таким перспективам, оказываются неясными на первый взгляд. Проведенный нами анализ показывает, что они могут быть сведены к пределам искусственного интеллекта в качестве самостоятельного актора в контексте принятия юридически значимых решений. Результаты этого анализа мы раскроем ниже.

4. Пределы применимости искусственного интеллекта в судопроизводстве

В последние годы по причине ускорившегося процесса цифровизации права исследования ИИ в юридическом контексте приобрели большую популярность в научном сообществе. Однако необходимо отметить, что исследования о возможности применения юнитов ИИ в качестве самостоятельных акторов при принятии юридических решений начали вестись гораздо раньше, с появлением первых ЭВМ и оформлением кибернетики как науки¹⁹.

Так, Е.В. Трофимов и О.Г. Мецкер отмечают, что о перспективах применения кибернетической методологии для развития права за границей писали уже в конце 1940-х гг., а в отечественной науке исследования, совмещающие кибернетическую методологию и юриспруденцию, появились уже в 1950-х гг.²⁰ Отсюда следует, что на настоящий момент существует внушительная аргументационная база, которая описывает возможности интеграции ИИ в систему правосудия или машинизации этой системы.

¹⁸ См.: *Аргунов А.В.* Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 5. С. 51.

¹⁹ См.: *Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М.* Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 4. С. 887.

²⁰ См.: *Трофимов Е.В., Мецкер О.Г.* Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды Института системного программирования РАН. 2020. № 32(3). С. 149, 153.

С учетом того, что взаимодействие правовой науки и кибернетики происходит с середины XX в., проблемными представляются два обстоятельства. Во-первых, юниты ИИ используются на практике для отправления правосудия несоразмерно мало в сравнении с произведенными в этой сфере научными изысканиями. Во-вторых, несмотря на все проводимые исследования за эти десятки лет, до настоящего времени возможность замены судей юнитами ИИ является спорным вопросом. Представляется, что эти два обстоятельства могут быть объяснены существованием иных ограничений, не сводимых к технической возможности использования ИИ в системе права.

В литературе предлагается поделить данные ограничения на три вида: парадигмальные, аксиологические и прагматические. Парадигмальные пределы предлагается связывать с фундаментальными теоретико- и философско-правовыми представлениями, текущей парадигмой, на основе которой функционируют юридические институты. Аксиологические пределы — это пределы, связываемые с существующими ценностями, используемыми для создания, применения и толкования права. Прагматические пределы корреспондируют с объективными ограничениями технологий, существующих на данный момент, или пределов применения таких технологий технического или социального характера²¹.

Соглашаясь в целом с приводимой классификацией, отметим, что было бы более корректным отождествить аксиологические и парадигмальные пределы, поскольку аксиологические основания также входят в правовую парадигму²². Иными словами, для выстраивания любой парадигмы (в том числе правовой) необходима некоторая ценностная разметка, в рамках которой и будет выстраиваться данная парадигма. Так, например, в праве Нового времени частная собственность определялась как самоочевидная ценность, в связи с чем система права была выстроена для ее обеспечения. Напротив, правовая парадигма советского государства предполагала приоритет коллективной собственности и отрицания частной практически на протяжении всего своего существования, что также предопределило систему советского законодательства и правоприменения²³.

²¹ См.: *Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М.* Указ. соч. С. 888–893.

²² См.: *Палашевская И.В.* Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. № 11. С. 145.

²³ См.: *Ветютнев Ю.Ю.* Аксиология правовой формы: Монография. М., 2013. С. 44–45.

Также представляется, что именно прагматические ограничения становятся определяющими для парадигмальных, поскольку правовая теория в любом случае оказывается детерминированной юридической практикой и ее условиями. И наиболее очевидным и часто упоминаемым ограничением применения ИИ для осуществления судебных функций является несводимость функций судьи к алгоритмам ИИ. Представители этой позиции аргументируют это тем, что даже сильный ИИ может подражать лишь интеллектуальным способностям человека, но он не может в той же мере опираться на некоторые не-явные и неформальные правила, если говорить в общем, а если в частности — интерпретировать этические принципы и выносить суждения о нравственном характере того или иного поступка, как это делает человек²⁴.

Эта аргументация против замены судьи-ИИ может быть представлена в нескольких контекстах. Во-первых, в контексте технологических ограничений. Обратимся к опыту проведенного эксперимента по внедрению автоматизации судопроизводства в судах Белгородской области. Председатель Белгородского областного суда по итогам работы такой системы отметил, что уже сегодня отчасти используется автоматическое генерирование типовых текстов судебных документов. Эти возможности увеличились бы, если бы в суд поступал документ, который может обрабатываться автоматически, и на его основе вся информация переносилась бы в картотеку судебных дел, на что в ручном режиме уходит масса времени. Он также отметил, что «если процессуальные обращения будут поступать в суд на бумажном носителе, то количество возникающих ошибок при распознавании текстов документов сведет на нет все те достоинства в виде экономии времени на регистрацию и создание документа, поскольку столько же времени потеряется в ходе проверки этого документа»²⁵. Таким образом, существенным прагматическим ограничением является инфраструктурная неготовность судебной системы (по крайней мере, судов общей юрисдикции) к организации судопроизводства на началах электронного документооборота.

В данном контексте пока остаются актуальными не столько вопросы внедрения искусственного интеллекта, сколько проблемы налажи-

²⁴ См.: Быков А. В., Нарская А.И. Указ. соч. С. 281.

²⁵ См.: Автоматизация судопроизводства: стоит ли ждать робота-судью в ближайшем будущем? URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sudebnyy-aktivizm-ne-dolzhen-vykhodit-za-predely-printsipa-sostyazatelnosti/> (дата обращения: 10.05.2024).

вания электронного документооборота. Отдельные вопросы в данной сфере получили свое разрешение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57²⁶: порядок подачи заявления в электронной форме в суд, подготовки и рассмотрения дела с использованием документов в электронном виде, направление судебных актов в электронном виде.

Отдельные вопросы, касающиеся юридической оценки электронных доказательств, их распознавания ИИ, приобретают дополнительную технологическую сложность в связи с появлением технологий Deepfake. Например, В.А. Лаптев подчеркивает, что появление реалистичных подделок такого уровня может стать серьезным препятствием для развития онлайн-правосудия²⁷. К другим проблемам применения цифровых технологий в рамках судопроизводства относятся, например, вопросы о действительности усиленных квалифицированных электронных подписей (УКЭП)²⁸. Так, УКЭП формально равнозначна собственноручным подписям, но к УКЭП предъявляется значительно больше требований в части их действительности²⁹.

Упомянутая проблема реалистичных подделок, а также негативный опыт работы белгородского судебного ИИ с текстами в бумажной форме указывают на еще один технологический барьер: проблему с распознаванием текстов. Если даже на уровне текста, который декодируется гораздо проще, чем контекст и подтекст, у существующего ИИ возникают проблемы. В таком случае в отличие от судьи-человека ИИ вовсе не сможет распознавать необходимые для разрешения дела контексты, определять предмет доказывания в случае явной недобросовестности одной из сторон, выявлять злоупотребление правом. Поэтому ряд дел, в частности, корпоративных споров или споров о несостоятельности (банкротстве), отнесенных к категории дел особой

²⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

²⁷ См.: *Лаптев В.А.* Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 16(11). С. 180.

²⁸ Целый ряд других проблем, касающихся использования цифровых технологий в практике разрешения споров судами, подробно раскрыты в трудах В.А. Лаптева и Н.И. Соловяненко См.: *Лаптев В.А., Соловяненко Н.И.* Электронное правосудие. Электронный документооборот: Науч.-практ. пособие. М., 2017; *они же.* Цифровое правосудие. Цифровой документ: Монография. М., 2021.

²⁹ См.: *Лаптев В.А., Соловяненко Н.И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ: Монография. С. 79–89.

сложности, невозможно и едва ли когда-нибудь будет возможно передать полностью на рассмотрение ИИ³⁰.

Кроме того, аргументация против замены судьи ИИ может быть представлена в социолого-правовом или антрополого-правовом смысле как некоторый латентный, не высказываемый напрямую перформатив, который выражает сопротивление судейского сообщества угрозе утраты монополии на осуществление ими власти³¹. Это подтверждается еще и тем, что зачастую такая аргументация исходит именно от представителей судейского сообщества³². С одной стороны, данная аргументация, описанная через линзу социологии или антропологии, объясняет причины, по которым ИИ не внедряется повсеместно в судебную систему даже там, где существуют успешные примеры его применения. Например, Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации, утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15 февраля 2021 г. № 9-П³³, предусматривающая меры по совершенствованию автоматизированных систем, используемых Верховным Судом РФ до 2030 г., даже не содержит упоминаний об внедрении ИИ в процесс своей деятельности. С другой стороны, это социологическое или антропологическое объяснение не может однозначно указать на истинность или ложность такой аргументации в связи с тем, что речь о замене судьи-человека на ИИ серьезно сможет вестись не раньше, чем произойдет полное оснащение всех судов, в том числе региональных, современными цифровыми тех-

³⁰ См.: *Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю.* Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2020. Т. 11. № 1. С. 19–34.

³¹ См., например: Речь главы Совета судей Виктора Момотова на совместном мероприятии председателей высших инстанций России и Германии 5 июня 2021 г. URL: <https://alrf.ru/news/iskusstvennomu-intellektu-mozhno-poruchat-tolko-uzkie-pravovye-zadachi-/> (дата обращения: 10.05.2024). В данном интервью возможность внедрения сильного ИИ в процесс осуществления правосудия характеризуется как «опасный» и «нежелательный» процесс. Как указывает В.В. Момотов, во многих делах очень много иррационального, а не формально-логического. С его слов, система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, не сможет понять мотивацию поступков и скрытые цели сторон, что повлечет за собой необъективность рассмотрения дела и вынесение ошибочных решений.

³² См.: *Быков А. В., Нарская А.И.* Указ. соч. С. 288–291.

³³ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации, утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15 февраля 2021 г. № 9-П. URL: <https://www.vsrp.ru/files/29675/> (дата обращения: 21.04.2024).

нологиями и будет обеспечена бесперебойная работа онлайн-сервисов по отправлению правосудия. Как отмечает В.А. Лаптев, внедрение ИИ в систему отечественных судов будет происходить по следующей модели, включающей несколько этапов. В краткосрочной перспективе ИИ может быть лишь ассистентом судьи по отдельным вопросам судопроизводства. В среднесрочной перспективе (через 5–10 лет) ИИ уже может стать «судьей-компаньоном», способным оценивать отдельные доказательства. И лишь в долгосрочной перспективе ИИ может заменить человека и только при осуществлении отдельных функций правосудия³⁴.

Таким образом, перечисленные нами ограничения технологического, инфраструктурного, социологического характера составляют прагматические ограничения на внедрение ИИ в осуществление правосудия. Для выявления *парадигмальных* ограничений и оценки такой аргументации, по существу, целесообразно обратиться ко второму смыслу — теоретико- или философско-правовому, который позволит оценить, действительно ли ИИ не может выносить моральные суждения.

5. Искусственный интеллект и моральные суждения

Аргументация «за» и «против» замены судей юнитами ИИ придает новый смысл фундаментальному разногласию в юриспруденции: соотношению морали и закона. Это разногласие происходит в последние 50 лет между двумя юридическими школами: позитивистами и не-позитивистами (представители неонатуралистической школы права). Как указывает Джошуа П. Дэвис, наиболее известной дискуссией в американской юриспруденции второй половины XX в. были дебаты Г. Харта и Р. Дворкина, развернувшиеся на страницах «Гарвардского юридического обозрения»³⁵. Упомянутое разногласие известно в отечественной юридической науке также как противопоставление инклюзивного и эксклюзивного правового позитивизма, где эксклюзивный позитивизм предполагает жесткое разделение права и иных неправовых элементов (например, принципов, которые не содер-

³⁴ См.: *Лаптев В.А.* Искусственный интеллект в суде (judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 11.

³⁵ См.: *Davis J.P.* Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence // California western law review. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 168.

жат конкретных норм права), а инклюзивный позитивизм признает за такими моральными элементами статус правовых³⁶. В изложении А.В. Нехаева эти теории именуются как «диетические» и «калорийные» (подразумевающие моральные элементы в праве) правовые теории соответственно³⁷.

Дж. П. Дэвис задает этим теоретическим разногласиям вполне конкретную практическую рамку, запрос на разрешение которой существует уже сейчас. Так, в его статье разбирается мыслительный эксперимент с принятием юридически значимого решения ИИ, управляющим автомобилем, по мотивам ДТП с летальным исходом с участием такси Uber-беспилотника в 2018 г. Дэвис проблематизирует эту ситуацию, предлагая несколько изменить ее вводные следующим образом. «Представьте, что автономный автомобиль с одним пассажиром вот-вот столкнется с группой пешеходов, — пишет он, — более того, представьте, что столкновение с пешеходами убьет многих из них, но сведет к минимуму риск для единственного пассажира. В качестве альтернативы автомобиль может свернуть с обрыва, убив своего пассажира, но сохранив жизни пешеходов»³⁸. По сути, Дэвис предлагает поставить перед ИИ известную в этике «проблему вагонетки», которая может быть решена только через обращение к моральным принципам или этическим ценностям.

Ситуация такого рода обозначается одним из представителей сторонников морали в праве — Рональдом Дворкином. Для ситуаций такого рода, с которыми сталкивается судья в своей практике, Р. Дворкин дает название “hard cases”, решение которых прямо не продиктовано законом или прецедентом³⁹. Примером одного из таких «сложных дел» является дело «Риггс против Палмера». Дела такого рода в континентальной правовой системе могли бы быть разрешены по правилам, которые относятся к «недостойным наследникам». Однако в США в силу отсутствия такого наследственного института в системе права отказ в удовлетворении наследственных требований

³⁶ См.: Дидикин А.Б. В поисках моральных оснований права: дебаты о природе инклюзивного правового позитивизма // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. № 4. С. 119–123.

³⁷ См.: Нехаев А.В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дидикину // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. № 4. С. 94–111.

³⁸ Davis J.P. Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence. P. 169.

³⁹ См.: Dworkin R. Hard Cases // Harvard Law Review. 1975. Vol. 88. No. 6. P. 1057–1109.

наследника, убившего своего наследодателя, был возможен лишь с помощью обращения к моральным принципам⁴⁰.

Отметим, что факт существования “hard cases” в англосаксонской юриспруденции не является сильным аргументом против осуществления ИИ судейских функций. Например, в книге Г. Уинтера приведены несколько “hard cases”, осмысленных с точки зрения экономического анализа права. Одним из таких сложных дел является спор между двумя отелями (Fontainebleau H. Corp. v. 4525, Inc.). Один из отелей сделал пристройку, которая загораживала солнечный свет для посетителей соседнего отеля, в связи с чем владельцы «потерпевшего» отеля решили взыскать компенсацию. Автор посвящает целый параграф этой книги вопросу о том, возможны ли споры по поводу принадлежности кому-либо солнечного света, так как ни в статутном праве, ни в прецедентах, разумеется, такие вопросы не регламентированы⁴¹. Однако знакомый с институтами римского права юрист традиции континентальной правовой системы не признал бы этот спор в качестве такого «сложного дела». Суть этого спора и возможные варианты его разрешения покрываются описанным в римском праве прогибиторным иском (*actio prohibitoria*) об устранении нарушений, не связанных с лишением владения, и регулируются правилами установления сельского сервитута, а толкование похожих споров мы можем найти в Дигестах (D. 8.3.2) и даже в более раннем источнике римского права — Законе XII таблиц (Таблица VII)⁴².

В связи с вышеизложенным представляется, что апелляция к “hard cases” в споре об ИИ не является сильным аргументом. Даже если в рамках англосаксонской правовой семьи для настройки на разрешение таких споров могут возникнуть трудности, в континентальной системе эти трудности нивелируются существованием более устойчивой и укорененной системы законодательства. Представляется, что использование римского правового наследия в целом представляет большие перспективы для обучения ИИ в сфере принятия юридически значимых решений.

Действительно сильный аргумент, который проблематизирует применение ИИ в качестве судьи, — это аргумент со стороны оппонента

⁴⁰ См.: Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М., 2004. С. 46.

⁴¹ См.: Уинтер Г. Вопросы права и экономики / Пер. с англ. Т. Шишкиной; под ред. М. Одинцовой. М., 2019. С. 53–71.

⁴² См.: Акимова М.А., Кожокаръ И.П., Леус В.А. Хрестоматия по римскому праву: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 21, 222.

Р. Дворкина — Герберта Харта. Для описания аналогичных сложных ситуаций при разрешении юридических споров Г. Харт выдвинул концепцию «открытой текстуры» языка права⁴³. Эта концепция состоит в том, что значения используемых в юридическом языке терминов не являются фиксированными. Скорее, более корректно говорить о спектре значений, причём одни значения составляют «ядро» означаемого, а остальные укладываются в понятие «полутени» значения. В качестве примера такого неоднозначного правила он указывал правило «использование средств передвижения в парке запрещено». Применение этого правила зависит от определения реального объекта как «средства передвижения». Например, данное правило делает проблемным использование и автомобилей, как очевидных средств передвижения, так и использование самокатов, велосипедов, роликов и т.д. В этом примере явным «ядром» значения будет автомобиль, а в «полутень» значения будут укладываться иные средства передвижения, приводимые в движение силами человека и не представляющие столь серьёзной опасности для окружающих⁴⁴. Однако и эта объяснительная модель также подверглась критике из-за игнорирования контекста, в котором и определяется конкретное значение употребляемых слов⁴⁵. Тем не менее и Харт, и Дворкин указывают на важную проблему, с которой уже сталкивается ИИ при принятии юридически значимых решений, — появление элемента неопределённости, возникающего при разрешении споров.

В России примером таких «сложных дел» или понятий с «открытой текстурой» являются дела о злоупотреблении правом или определении критериев добросовестности. Представляется, что, поскольку тема определения пределов реализации прав и критериев добросовестной реализации прав является одной из сложных и противоречивых даже среди судейского сообщества, едва ли возможно сделать вывод, что ИИ способен справиться с данным вопросом лучше судьи-человека⁴⁶.

Упомянутый нами Р. Дворкин для разрешения неизбежно обнаруживаемой в праве неопределённости вводил фигуру идеального су-

⁴³ См.: *Hunter D.* The death of the legal profession and the future of law // *University of New South Wales Law Journal*. 2020. No. 43 (4). P. 1214.

⁴⁴ См.: *Hart H.L.A.* The Positivism and the Separation of Law and Morals // *Harvard Law Review*. 1958. Vol. 71. P. 607–608.

⁴⁵ См.: *Fuller L.L.* Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart // *Harvard Law Review*. 1958. Vol. 71. P. 662.

⁴⁶ См.: *Вавилин Е.В.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2021. № 42. С. 142.

дья, который принимает лучшие из возможных судебных решений — Геркулеса⁴⁷. Дж.П. Дэвис подмечает, что фигура идеального судьи Геркулеса оказывается вполне реальной, если понимать под ним ИИ, которому доступен анализ огромных массивов информации за короткие промежутки времени, на что не способен ни один человек по своей природе⁴⁸.

Однако даже при технической возможности создания такого юнита ИИ могут возникнуть проблемы в связи с предпосылками, на которые опирается концепция Геркулеса в целом. Например, как указывает А.В. Аргунов, способность ИИ в каждом случае приходить к «наилучшему» правовому решению предполагает саму возможность такого единственно верного (или наилучшего) решения, и «эта возможность более чем спорная»⁴⁹. Иными словами, даже если человек сможет построить такой алгоритм, который будет способен принимать «лучшие» из возможных решений, человеку нужно будет самостоятельно задавать критерии, которые определяют решения как «лучшие». Таким образом, мы можем обозначить данную проблему как проблему, которая затрагивает саму архитектуру такого ИИ. И создание такой архитектуры упирается в принципиальную неопределенность «оценочных понятий» в праве.

6. Проблемы вынесения решений искусственным интеллектом

Даже если взять в скобки проблему определения оценочных суждений, проблемным останется вынесение решений в спорах, которые не могут быть сведены к конкретному закону или прецеденту. Описание механики принятия решений в таких спорах предложено учеником Г. Харта — Джозефом Разом. Он описывает два варианта споров, с которым сталкиваются судьи — регулируемые и нерегулируемые споры. Если для первых есть прецедент или статут, который предусматривает основания для разрешения рассматриваемого спора, то вторые не имеют ни прецедента, ни статута, который бы способствовал их разрешению. Вместе с тем в обоих случаях судьи могут приходить к решениям, отличающимся от установленных в статуте или прецеденте

⁴⁷ См.: *Касаткин С.Н.* Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 100–101.

⁴⁸ См.: *Davis J.P.* Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence. P. 171.

⁴⁹ См.: *Аргунов А.В.* Указ. соч. С. 55.

правил. Это происходит в силу того, что необходимо отождествлять абстрактную норму права и лишь частично подходящие под ее описание жизненные обстоятельства⁵⁰. Такое «дописывание» прецедента или вынесение решения для нерегулируемого спора выводит Д. Раза на классический для литературы по англо-американской судебной системе вопрос: находят ли судьи право или «изобретают» его⁵¹, в котором он заранее склоняется ко второму ответу.

Нерегулируемые споры возникают в силу размытых границ «языка или намерения» законодателя. В таких случаях необходим критерий для различения используемых понятий. И для нахождения такого критерия судьи прибегают к «моральным суждениям» в зависимости от вопроса, разрешаемого в определенном споре. Основной вопрос для судьи в нерегулируемом споре должен быть поставлен следующим образом: стоит ли заполнять эту неопределенность или же целесообразнее оставить ее⁵².

В этом случае юнит ИИ будет поставлен перед выбором в той же мере, как это происходит и с судьей при разрешении таких споров: стоит ли вносить противоречие в существующий правопорядок, даже если решение по этому делу будет лучшим, чем прежнее? Возможно (но не обязательно), оно будет лучше разрешать споры такого рода, но оно однозначно станет диссонирующим элементом в существующей системе судебных решений. В такой ситуации система судебных решений будет содержать противоречивые социальные цели: цели консерваторов и цели новаторов — обозначим их так. Причем, как пишет Д. Раз, при таком новаторстве возможно образование нормативного и прагматического конфликтов. И если нормативный конфликт относится к собственно юридической стороне вопроса и представляет собой коллизию права, то прагматический конфликт представляет более широкое понятие. Это противоречие между ценностями и целями судей. Такой конфликт, как описывает Раз, может даже быть оправданным, если предлагает существенно более конструктивные решения правовых конфликтов⁵³. Эта механика разрешения споров судьями показывает, что ИИ в любом случае придется столкнуться с целена-

⁵⁰ См.: Раз Д. Авторитет права. Эссе о праве и морали / Пер. с англ. И. Дягилевой; под ред. Д. Раскова. М., 2021. С. 304–352.

⁵¹ См.: Дворкин Р. Империя права / Пер. с англ. С. Моисеева; под ред. С. Коваль, А. Павлова. М., 2020. С. 22.

⁵² См.: Раз Д. Указ. соч. С. 321.

⁵³ См.: там же. С. 338.

правленным мышлением, взвешиванием отдельных обстоятельств в контексте дела и интеграцией новых обстоятельств в типичные дела. Поэтому даже на уровне принятия отдельных решений самостоятельность ИИ представляется сомнительной.

Мы убедились, что философы права практически единогласно указывают на некоторый элемент неопределенности при принятии судьями решений, хотя конкретные выражения этого принципа неопределенности и различаются. Эта неопределенность может быть преодолена с помощью автономных действий судьи, которые производятся через обращение к имеющейся у него аксиологической разметке (иерархии ценностей, представлении о морали и этике). Судья, опираясь на эти ценности и имея в виду определенную цель и контекст спора, принимает одну из возможностей по разрешению этого спора в ситуации неопределенности. Все рассмотренные нами концепции, описывающие неопределенность как необходимое условие работы судьи, подсвечивают основную проблему — невозможность выносить моральные суждения *напрямую*. Но даже если бы ИИ мог выносить моральные суждения, ему все равно могло бы не хватать сознания или свободы воли⁵⁴.

7. Перспективы использования искусственного интеллекта в отправлении правосудия

Итак, мы осуществили подробный анализ препятствий, которые мы описывали в рамках раскрытия существующих парадигмальных пределов. Данные пределы были описаны лишь в той части, в которой ИИ уже не может быть использован для отправления правосудия. Вместе с тем фокусировка лишь на этой части делала бы приведенные нами в начале нашей статьи примеры успешного использования ИИ для разрешения споров парадоксальными. В связи с этим следует сказать, как парадигма объясняет действие ИИ в той части, в которой он уже применяется для разрешения споров.

Упомянутый нами Дж. П. Дэвис предлагает рассмотреть такие парадигмальные обоснования применения ИИ в отправлении правосудия в пределах трех известных типов умозаключений: дедуктивного, индуктивного и абдуктивного. Указанные типы силлогизмов рассматриваются для демонстрации различия мышления человека и ИИ ис-

⁵⁴ См.: *Davis J.P. Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere)* // *Oklahoma Law Review*. 2019. Vol. 72:51. P. 66.

следователями, на выводы которых опирается сам Дэвис⁵⁵. Аналогичное различие предлагается и самим Дэвисом, но помимо этих трех типов умозаключений он предлагает также ввести тип «целенаправленного» мышления (*purposive reasoning*). Дэвис подробно разбирает работу ИИ с каждым из типов умозаключений в праве и подытоживает, что наиболее перспективно использование ИИ в судебной системе в ключе абдуктивных умозаключений. Кроме того, для полноценной замены судей необходимо, по его мнению, освоение ИИ целенаправленного мышления⁵⁶. Это позволит ИИ и обращаться к моральным основаниям в нерегулируемых спорах, и учитывать контекст, и самостоятельно определять критерии «лучшего» решения спора.

Дж. П. Дэвис указывает, что наиболее перспективное направление ИИ в судопроизводстве — использование его абдуктивных возможностей, способностей выдвигать гипотезы и делать догадки. Отметим, что в рамках формальной логики выдвижение гипотез не рассматривается как форма умозаключения. В связи с этим абдуктивные рассуждения обычно рассматриваются редко в сравнении с индуктивными и дедуктивными рассуждениями. Однако, как справедливо утверждает профессор Г.И. Рузавин, абдуктивные рассуждения оказываются весьма полезными в самых разнообразных областях деятельности, связанных с поиском истины⁵⁷. Так, с помощью абдукции ИИ может выполнять некоторые инструментальные задачи, которые ранее были под силу только людям. Например, вынесение предварительных суждений о том, каков будет результат рассмотрения дела или какие документы могут иметь отношение к делу.

Ярким примером использования абдукции ИИ является эксперимент, проведенный в 2002 г. по предугадыванию решений Верховного суда США, результаты которого показали, что машины могут предугадывать решения судов лучше, чем люди, – машинный интеллект оказался прав в 75% случаев, эксперты — в 59%. Абдуктивные умозаключения ИИ используются также в уголовных делах, при определении риска повторного совершения преступлений⁵⁸. Аналогичное ис-

⁵⁵ См.: *Larson E.J.* The Myth of Artificial Intelligence: Why Computers Can't Think the Way We Do. Cambridge, 2021. P. 4.

⁵⁶ См.: *Davis J.P.* Of Robolawyers and Robojudges // *Hastings law journal*. 2022. Vol. 73:5. P. 1201–1202.

⁵⁷ См.: *Рузавин Г.И.* Абдукция и методология научного поиска // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2005. № 4. С. 18.

⁵⁸ См.: *Dixon Jr. H.B.* What judges and lawyers should understand about artificial intelligence technology // *Judges' Journal*. American bar association. 2020. Vol. 59. No. 1. P. 36–38.

пытание ИИ было проведено для предсказания результатов решений ЕСПЧ и Кассационного суда Франции. Исход дел ЕСПЧ ИИ предсказывал в 79% случаев, а решения Кассационного суда Франции — в 96% случаев⁵⁹.

Полагаем, что гипотетический характер абдуктивных умозаключений предопределяет более успешное его применение ИИ. Дело в том, что использование дедуктивных и индуктивных умозаключений ИИ предполагает точное следование правилам таких силлогизмов. И следование таким правилам в данном случае больше создает препятствия, чем приносит пользу. Если ИИ будет анализировать порочные практики перед составлением своих прогнозов, он, скорее всего, начнет их ретранслировать. Например, если ИИ будет анализировать практику продвижения по службе в условиях, когда работодатель дискриминировал отдельные категории сотрудников, то индуктивный ИИ будет делать прогнозы, которые отражают эти дискриминационные предубеждения работодателя, транслируя этот дискриминационный паттерн. Использование же абдуктивных умозаключений снижает риск такой ретрансляции порочных юридических практик. Описываемая проблема находит свое реальное выражение на практике. Так, Дж. П. Дэвис описывает случай в 2014 г. в США, когда программное обеспечение, разработанное для прогнозирования рецидивизма, пришло к выводу о более высокой вероятности рецидива чернокожей гражданкой, допускавшей ранее лишь правонарушения небольшой тяжести, и низкой вероятности рецидива белым мужчиной, который совершил несколько тяжких преступлений⁶⁰.

8. Заключение

В нашей статье мы рассмотрели возможность ИИ выполнять судебские функции в системе правосудия. Мы установили, что ИИ уже используется в системе альтернативного разрешения споров (ADR) на маркетплейсах, а также взят на вооружение некоторыми судами за рубежом. Мы также определили, что существуют некоторые пределы, которые не позволяют полностью заменить судей юнитами ИИ. Основная проблема для совершения такой замены состоит в элементе неопределенности при принятии решений. В частности, этот элемент

⁵⁹ См.: *Браво-Хуртадо П.* Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 190—191.

⁶⁰ См.: *Davis J.P.* Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence. P. 178—179.

неопределенности отрефлексирован представителями аналитической философии и неонатуралистической школы в виде «сложных кейсов» Р. Дворкина, «открытой текстуры языка» Г. Харта или «нерегулируемых споров» Д. Раза. Во всех этих случаях для принятия судьями решения есть необходимость в вынесении моральных суждений, суждений о ценностях, учете контекста дела и составлении представления о наилучшем рассмотрении дела. В настоящее время ИИ не обладает подобными компетенциями и потому не может полноценно заменить судей. В некоторой части, в которой ИИ используется для предсказания судебных решений, оценки рисков и выдвижения других гипотез, которые имеют значение при разрешении дел, словом, использования абдуктивного способа рассуждения, а не точного следования правилам дедуктивного или индуктивного силлогизма, применение ИИ представляется наиболее перспективным уже в настоящее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимов М. А., Кожокарь И. П., Леус В. А. Хрестоматия по римскому праву: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2019.

Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 19–34.

Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 5. С. 44–61.

Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 4. С. 882–906.

Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 181–199.

Быков А. В., Нарская А. И. Закон, мораль и машинное обучение: взгляд судей на сущность и перспективы роботизации правосудия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 278–298.

Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146.

Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы: Монография М.: Юрлитинформ, 2013.

Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 1. С. 208–235.

Дворкин Р. Империя права / Пер. с англ. С. Моисеева; под ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Дидикин А.Б. В поисках моральных оснований права: дебаты о природе инклюзивного правового позитивизма // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. № 4. С. 119–123.

Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 94–107.

Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

Лаптев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 16(11). С. 180–186.

Лаптев В.А. Искусственный интеллект в суде (judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 10–13.

Лаптев В. А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: Монография. М.: Проспект, 2021.

Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Электронное правосудие. Электронный документооборот: Науч.-практ. пособие. М.: ООО «Проспект», 2017.

Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.

Нехаев А.В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дидикину // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. № 4. С. 94–111.

Римское частное право: учебник для вузов / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрайт, 2024.

Палашевская И.В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. № 11. С. 144–156.

Раз Д. Авторитет права. Эссе о праве и морали / Пер. с англ. И. Дягилевой; под ред. Д. Раскова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

Рыжков К. Цивилистический процесс: формы мышления в рамках вынесения судебных актов // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 356–370.

Рузавин Г.И. Абдукция и методология научного поиска // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. № 4. С. 18–37.

Трофимов Е.В., Мецкер О.Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды Института системного программирования РАН. 2020. № 32(3). С. 147–170.

Уинтер Г. Вопросы права и экономики / Пер. с англ. Т. Шишкиной; под ред. М. Одинцовой. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

Davis J.P. Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere) // Oklahoma Law Review. 2019. Vol. 72:51. P. 51–89.

Davis J.P. Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence // California western law review. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 165–219.

Davis J.P. Of Robolawyers and Robojudges // Hastings law journal. 2022. Vol. 73:5. P. 1173–1202.

Deibel T. Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // European Journal of Law and Technology. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–27.

Dixon Jr. H.B. What judges and lawyers should understand about artificial intelligence technology // Judges' Journal. American bar association. 2020. Vol. 59. No. 1. P. 36–38.

Dworkin R. Hard Cases // Harvard Law Review. Vol. 88. No. 6. 1975. P. 1057–1109.

Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 630–672.

Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593–629.

Hunter D. The death of the legal profession and the future of law // University of New South Wales Law Journal. 2020. № 43 (4). P. 1199–1225.

Katsh E., Rabinovich-Einy O. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Larson E.J. The Myth of Artificial Intelligence: Why Computers Can't Think the Way We Do. Cambridge: MA, Harvard Press. 2021.

Laptev V.A. E-Justice in Russia // Law & Digital Technologies. 2022. Vol. 2. No. 1. P. 24–34.

Susskind R.E. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. 2-nd edit. Oxford: Oxford University Press, 2017.

REFERENCES

Akimova, M.A., Kozhokar, I.P., Leus, V.A. (2017). *Khrestomatiia po rimskomu pravu: uchebnoe posobie* [A textbook on Roman law: a textbook]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: RG-Press. (in Russ.).

Andreev, V.K., Laptev, V.A., CHucha, S. Yu. (2020). Iskusstvennyy intellekt v sisteme elektronnoy pravosudiya pri rassmotrenii korporativnykh sporov [Artificial intelligence in the electronic justice system when considering corporate disputes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 11 (1), pp. 19–34. (in Russ.).

Argunov, A.V. (2018). Iskusstvennyi intellekt rassudit? [Will artificial intelligence judge?]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Bulletin of the Civil procedure], 8(5), pp. 44–61. (in Russ.).

Arhipov, V.V., Naumov, V.B., Smirnova, K.M. (2021). Predely priniatiia iuridicheskikh znachimyykh reshenii s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [The limits of making legally significant decisions using artificial intelligence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 4, pp. 882–906. (in Russ.).

Bravo-Khurtado, P. (2018). Avtomatizatsiya otpravleniya pravosudiia: obrashchenie k trem oshibochnym suzheniyam ob iskusstvennom intellekte [Automation of the admin-

istration of justice: addressing three erroneous judgments about artificial intelligence]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Bulletin of the Civil procedure], 1, pp. 181–199. (in Russ.).

Bykov, A.V. and Narskaia, A.I. (2022). Zakon, moral' i mashinnoe obuchenie: vzgliad sudei na sushchnost' i perspektivy robotizatsii pravosudiia [Law, morality and machine learning: Judges' view on the essence and prospects of robotization of justice]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 5, pp. 278–298. (in Russ.).

Davis, J.P. (2019). Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere). *Oklahoma Law Review*, 72:51, pp. 51–89. (in Eng.).

Davis, J.P. (2019). Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence. *California western law review*, 5 (1), pp. 165–219. (in Eng.).

Davis, J.P. (2022). Of Robolawyers and Robojudges. *Hastings law journal*, 73(5), pp. 1173–1202. (in Eng.).

Deibel, T. (2021). Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law. *European Journal of Law and Technology*, 12 (2), pp. 1–27. (in Eng.).

Didikin, A.B. (2021). V poiskakh moral'nykh osnovanii prava: debaty o prirode inkluzivnogo pravovogo pozitivizma [In Search of the Moral Foundations of Law: A debate on the nature of inclusive legal positivism]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'»* [Omsk Scientific Bulletin. The series «Society. History. Modernity»], 4, pp. 119–123. (in Russ.).

Dixon, Jr.H.B. (2020). What judges and lawyers should understand about artificial intelligence technology. *Judges' Journal. American bar association*, 59 (1), pp. 36–38. (in Eng.).

Dworkin, R. (1975). Hard Cases. *Harvard Law Review*, 88(6), pp. 1057–1109. (in Eng.).

Dworkin, R. (2004). *O pravakh vser'ez* [Taking rights seriously]. Translated from English. Ed. by L.B. Makeeva. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (in Russ.).

Dworkin, R. (2020). *Imperiia prava* [Law's Empire]. Translated from English by S. Moiseeva. Eds. by S. Koval and A. Pavlova. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (in Russ.).

Fuller, L.L. (1958). Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*, 71, pp. 630–672. (in Eng.).

Gabov, A.V. (2022). Onlajn-uregulirovanie sporov uchastnikov cifrovyykh platform (jekosistem) [Online dispute resolution of participants in digital platforms (ecosystems)]. *Vestnik grazhdanskogo processsa* [Bulletin of Civil procedure], 12 (1), pp. 208–235. (in Russ.).

Hart, H. L. A. (1958). The Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 71, pp. 593–629. (in Eng.).

Hunter, D. (2020). The death of the legal profession and the future of law. *University of New South Wales Law Journal*, 43 (4), pp. 1199–1225. (in Eng.).

Kasatkin, S.N. (2019). Kontseptsiiia «rannego» R. Dvorkina kak «tret'ia teoriia prava» [The concept of the «early» R. Dworkin as the «third theory of law»]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of the VSU. Series: Law], 2 (37), pp. 94–107. (in Russ.).

Katsh, E. and Rabinovich-Einy, O. (2017). Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. *Oxford University Press*. (in Eng.).

Laptev, V.A. (2019). Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvenost' za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work]. *Pravo. — ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], 2, pp. 79–102. (in Russ.).

Laptev, V.A. (2021). Deepfake i nye produkty iskusstvennogo intellekta na puti razvitiya onlajn-pravosudiya [Deepfake and other artificial intelligence products on the path of online justice development]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Current problems of Russian law], 16(11), pp.180–186. (in Russ.).

Laptev, V.A. (2021). Iskusstvennyj intellekt v sude (judicial AI): pravovye osnovy i perspektivy ego raboty [Artificial intelligence in court (judicial AI): legal foundations and prospects of its work]. *Rossijskaja justiciya* [Russian Justice], 7, pp. 10–13. (in Russ.).

Laptev, V.A. (2022). E-Justice in Russia. *Law & Digital Technologies*, 2 (1), pp. 24–34. (in Eng.).

Laptev, V.A. and Solovjanenko, N.I. (2017). *Jelektronnoe pravosudie. Jelektronnyj dokumentooborot* [Electronic justice. Electronic document management]: Scientific and practical manual. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Laptev, V.A. and Solovjanenko, N.I. (2021). *Cifrovoe pravosudie. Cifrovoy document* [Digital justice. Digital document]: monografija. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Larson, E.J. (2021). The Myth of Artificial Intelligence: Why Computers Can't Think the Way We Do. *Cambridge: MA, Harvard Press*. (in Eng.).

Momotov, V.V. (2021). Iskusstvennyi intellekt v sudoproizvodstve: sostoianie, perspektivy ispol'zovaniia [Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects of use]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUa)* [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUa)], 5, pp. 188–191. (in Russ.).

Nekhaev, A.V. (2019). Strasti po morali i iuridicheskii pozitivizm: otvet Antonu Didikinu [Moral Passions and Legal Positivism: a response to Anton Didikin]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'»* [Omsk Scientific Bulletin. The series «Society. History. Modernity»], 4, pp. 94–111. (in Russ.).

Novitskiy, I.B. and Pereterskiy, I.S. eds. (2024). *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]: textbook for universities. Moscow: Jurajt. (in Russ.).

Palashevskaya, I.V. (2017). Aksiologicheskie osnovaniya yuridicheskogo diskursa: aksiomy prava [The axiological foundations of legal discourse: the axioms of law]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 1, pp. 144–156. (In Rus.).

Raz, D. (2021). *Avtorit et prava. Esse o prave i morali* [The Authority of Law: An Essay on Law and Morality]. Translated from English by I. Diagileva. Ed. by D. Raskov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (in Russ.).

Ruzavin, G.I. (2005). Abduksiia i metodologii nauchnogo poiska [Abduction and methodology of scientific research]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 4, pp. 18–37. (in Russ.).

Ryzhkov, K. (2023). Civilisticheskij process: formy myshleniya v ramkah vyneseniya sudebnyh aktov [Civil process: forms of thinking within the framework of issuing judi-

cial acts]. *Vestnik SPbGU. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Law], 14 (2), pp. 356–370. (in Russ.).

Susskind, R. E. (2017). *Tomorrow's lawyers: an introduction to your future*. 2nd edit. Oxford: Oxford University Press. (in Eng.).

Trofimov, E.V. and Metsker, O.G. (2020). Ispol'zovanie komp'yuternykh metodov i sistem v izuchenii prava, intellektual'nom analize i modelirovanii pravovoi deiatel'nosti: sistematicheskii obzor [The use of computer methods and systems in the study of law, intellectual analysis and modeling of legal activity: a systematic review]. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniia RAN* [Proceedings of the Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences], 2(3), pp. 147–170. (in Russ.).

Uinter, G. (2019). *Voprosy prava i ekonomiki* [Legal and economic issues]. Translated from English by T. Shishkina. Ed. by M. Odintsova. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute. (in Russ.).

Vavilin, E.V. (2021). Iskusstvennyy intellekt kak uchastnik grazhdanskikh otnoshenij: transformatsiya prava [Artificial intelligence as a participant in civil relations: the transformation of law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of the Tomsk State University. Law], 42, pp. 135–146. (in Russ.).

Vetiutnev, Iu. Iu. (2013). *Aksiologiya pravovoi formy: monografiia* [The axiology of the legal form]. Moscow: Iurlitinform. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Рыбин Александр Игоревич — аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

AUTHOR'S INFO:

Alexander I. Rybin — postgraduate student of the Department of Theory of Law and Comparative of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Рыбин А.И. К вопросу о применении искусственного интеллекта для отправления правосудия // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Т. 20. № 3. С. 237–265. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-3-rybin

FOR CITATION:

Rybin, A.I. (2025). Of the Usage of Artificial Intelligence for the Court Judgements. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 20(3), pp. 237–265. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-3-rybin